

ния правого пера руля. Я на борту яхты в смятении и скорбю. Теряю надежду, как повреждённая яхта теряет ход. Смогу ли я увидеть вновь ликующим моего сына Николая? Можно ли надеяться, что вновь окажусь дома? Смогу ли ещё раз взглянуть на часовню Святыни Николая в нашем дворе? Увижу ли приближение весенней поры? Увижу ли капли дождя, от которых зазеленеет листва на деревьях?

Я не ожидал, что нынешнее плавание окажется таким трудным.

* * *

Луна растёт, а я её ещё не видел из-за туч. Может, сегодня Господь откроет хотя бы на минуточку небо, и я увижу, как светит луна. Как давно я не видел лунного света и лунной дорожки на океанской воде!

Люди не могут искоренить зло, оно в том, что те, кто обладает властью, не любят людей и не ходят в церковь, и как они будут иметь благословение от Бога? Я ненавижу нескончаемый произвол наших чиновников, которые унижают себя, но всё равно берут взятки с тех граждан, которые приходят к ним. Ибо смысл их жизни в том, чтобы накопить богатство, не работая трудом.

Я понимаю, что чиновников не нужно учить честности и благородству, их не исправить. Зачем тратить на это время? Всё равно мы клеймим то, что им присуще. Это мы их сделали такими, это наш закон такую дал им волю. Мы их сделали хозяевами. Я не буду им судьёй и не буду пытаться изменить весь мир.

Моя лодка затеряна в океанском просторе, а я рассуждаю об искоренении чиновников и закладываю жизненную основу. Дух торит дорогу, но, конечно, есть Господь. Через Господа я узнал себя.

Я держусь за вёсла, и я очнулся. Картина всё та же: та же лодка, та же мирная гладь океана, на небе дневная луна. Что я осуждаю человека в должности чиновника, если смирю перед ним своё сердце! Господь не простит меня. Мужество не в том, чтобы погибнуть за носителей чуждой тебе истины. Я не назову мужественными тех, кто начинает развязывать войны, скорее скажу, что они сумасшедшие или трусы. Я не за войну, я за мир. Поэтому из океана, из которого смотрю и размышляю, я обращаюсь к Господу Богу с молитвой избавить тех, кто за насилие и войны, от сумасшествия и дать им разум исцеления. Помогите мне!

* * *

Я только начал молиться, молитва ещё не дошла до Бога, ещё не проросла корнем, а я уже узнал тяжесть бессонных ночей. Мне не нужен закон: навести порядок с помощью палачей и тюрем — я нуждаюсь в выборе, и выбор должен соединиться воедино, я должен выбрать — храм или яхта. Буду в дальнейшей моей жизни или священником, или моряком, но как мне хочется не жертвовать нуждами одних ради нужд других, величием Храма ради величия Океана.

И я хочу соподчинить их всех друг другу, чтобы яхта и храм были едины. Я мечтаю и уже пытаюсь построить яхту в виде храма или храм в виде корабля, и уйти в Мировой океан, и совершить три оборота вокруг света без захода в порты.

Большинство людей не видели океанскую яхту и мои чертежи, они слишком далеки от этого. Окажись они в большинстве, они взяли бы верх над строителями, и яхта в виде храма не появилась бы на свете. Но я и не хочу всеобщего примирения, примирить всех — значит поставить всех на один уровень.

Я хочу, чтобы желания каждого были достойны истины. Мне хочется видеть такую страну, где каждому есть своё место, ибо общая мера — мера истины — и для чиновника, и для строителя яхты, и моряка, управляющего этой же яхтой.

Мне не нужны друзья и соратники, сложенные наполовину из любви, наполовину из ненависти. Это как однажды ко мне в храм пришёл давний знакомый, и я его спросил: «Веруешь ли ты в нашего господина Бога?». А он ответил: «Немного верую». В

Бога надо верить или не верить, но положившись ты не можешь быть. Я не помню, кто из старцев сказал, что надо быть в жизни или холодным, или горячим, но только не тёплым. И я не вижу и не слышу ничего другого, кроме одного скрипа вёсел в уключинах.

Как ни странно, здесь, в океане, находясь в одиночестве, я всё полнее познаю людей. Получается, что смысл жизни большинства из них — в достижении материального благополучия. Но кто живёт лишь этим, тот пожинает плоды, ради которых не стоит жить. Молитвой я пытаюсь «пробить» затвердевшую душу мою, она обросла житейскими пристрастиями, очевидно, поэтому мне иногда тяжело молиться. Здесь, в океане, я пребываю наедине с собой, так что все грехи всплывают, как на экране. Находясь на берегу, можно спрятаться за других, смотришь на людей и думаешь: «У них больше грехов, чем у тебя». И становится легче, а в океане мрак страстей и пристрастий давит так сильно, что не хватает воздуха.

* * *

Я снова пребываю в сомнениях: как странно, я много молюсь, а обрести веру не могу. На моей яхте, как в церкви, безлюдно, слышны лишь звуки хора — это поют ванты ангельскую песню, псалмы Давида. Мне бесконечно жаль людей, которые не ходят в церковь, им не дано слышать это пение. А ведь мне не так много нужно — держать за руку сына Николая и смотреть в голубые глаза своей жены Ирины.

Получается, что я поступаю жестоко, раз за разом оставляя их одних. Это терзает мою душу. Предаваясь этим раздумьям, я опасаясь также предательства со стороны памяти: не заставляет ли она меня дважды писать по рассеянности об одном и том же. Я не люблю себя перечитывать и ни

можешь меня очистить солнцем и этим юго-западным ветром!».

Я читаю молитву не шёпотом, а кричу голосом жалобным: «Верю, что Ты — Бог Неба и Земли и уповаю на то, что Ты прикоснёшься ко мне. Дотронься до меня, грешного, и я исцелюсь, хотя я отделён большим расстоянием от Тебя за мои грехи. Прости меня, грешного, что я просил Тебя дотронуться до меня. Ты, Господь, пребываешь на небесах, а я — здесь, в океане, но Ты можешь сотворить чудеса, за которые, увы, мне нечем воздать, моих прегрешений перед Тобой не счесть.

Господи, сделай меня уверенным в себе, когда я совершаю свои экспедиции. Склонись над моей яхтой с милосердием. Не презирай меня с высоты. Я наказания достоин за то, что все эти сорок лет испытываю свою судьбу и терзаю своё тело. За сорок лет в экспедициях я прожил пять жизней, Ты мне их даровал. Мои ноги — средство передвижения, несущее на себе тяжесть моего тела. Сколько они прошли километров по земле, льду и горам, только Тебе известно, Господи! Ты единственный можешь спасти меня и направить. Уведи меня от экспедиций и дай мне место служить в церкви Твоей! Я со слезами в очах буду проповедовать истину Святого Духа. Возроди меня к духовной жизни! Протяни мне руку! Слава Тебе, Господи!

* * *

Я снова размышляю о тщеславии. Тщеславие всегда казалось мне не пороком, а болезнью; но если ты говоришь высокомерно, что не тщеславен, значит, ты горд, а гордость есть больший грех, чем тщеславие.

Жизнь скудеет в тщеславном, и такой человек стоит на месте, он ссыхается. Многим не понять путешественника, который делает восхождение безвозмездно, не почитать его стараний (он взойшёл на вершину

горы и остался ни с чем). Он рисковал жизнью, а стоя на вершине, он был горд, но не за себя, за человека. Что Человек в образе его смог преодолеть всё, что встретилось на пути к этой вершине.

Я угнетён, как эти тучи над океаном. Погода всё время меняется. У меня сейчас особое состояние. Никогда ещё не подходил так близко к черте меж-

стивший должников своих, быть может, тем самым Ты простишь и меня.

Сердце моё суетное устало. Забота о малом, я упустил главное. В поисках второго я потерял первое. Мысли мои расплывчатые, воля нетвердая. Я видел пророка, он пришёл ко мне. Я молчал. Я зримо видел его душу и думал: «Зачем он пришёл?». Эти люди всегда казались мне ослепительно прекрасными, но я не видел его лица. Что такое верность, если нет соблазна? «Ты борешься со злом?» — спросил я пророка. «Я творю, я создаю царство», — ответил пророк.

И я подумал: «Айсберг, который я видел на рассвете, похож на храм из белого мрамора, он наполнен голосами долгой молитвы. Бог слился здесь с природой воедино. Отвернувшись от Божества, становишься животным». Тянутся длинные, однообразные дни. Дождь продолжает лить, почти не переставая. Когда моя яхта вошла в пролив Дрейка, её закрыло туманом и ничего вокруг не видать из-за мокрой вязкой пелены. Но мне чудилось, что там, за туманом, рядом с бортом яхты идут усопшие тени моряков всех веков, погибших в этих местах при проходе мыса Горн. Но мне не страшно было, а радостно, точно я заглянул в их вечность. Я ясно понял, что я их вижу и слышу.

* * *

Из истинного самопожертвования выгоды не извлекают, так и я из своего плаванья не возьму ничего, от него остаются только рубцы на сердце.

Печальный день. Океан потихоньку пожирает меня. Я видел, каково оно, моё одиночество. Объясню тем, кто не понимает смысла моих одиночных экспедиций. Все спрашивают: для чего тебе это понадобилось? Краткий миг торжества человека над природой.

Ну вот, плавание завершается, и мне хочется повернуть яхту на 180 градусов и снова уйти к мысу Горн, к моим альбатросам, которые неустанно парят в проливе Дрейка, к китам, с ними я чувствую себя уютнее и спокойнее, а в обществе людей я раздражён и нервный.

Наверное, я тот человек, которому важен процесс и поиск, а не конечный результат. Эта черта отразилась во всей моей жизни. Мне нравится писать картины, создавать полотна, а как только они готовы, я с ними расстаюсь очень легко. Где все мои картины? Я не знаю, не имею понятия, я никогда не считал, сколько их.

Я всё не успеваю и не нахожу времени сказать моим близким родственникам и друзьям, что если Господь призовет меня внезапно, то на кресте моей могилы должна быть такая надпись: «Усталому нужен покой, а многолетнему неутомимому страннику — постоянное жилище».

Похороните меня по чину православного священника. Похороните меня возле одной из построенных мною часовен, зажгите лампаду в ней и дайте любовь вашу, и вам будет удобно приходиться ко мне, и я вас буду слушать, особенно тех, кто уходит в путешествия. Я буду с ними либо в горах, либо в океане, либо на пути к полюсам. Буду помогать духовно преодолевать трудности, которые будут им встречаться. Это и есть моё желание.

Когда приходишь, а вернее, подходишь к мысу Горн, то чувствуешь, что стоишь у дверей вечности, на краю могилы, можешь сойти в неё в любую минуту. Перед Богом стоишь и только от Него ждёшь решения. Один Господь видит путь твой, и от Него зависит, увидишь ли свет по ту сторону мыса Горн...

Милостью Божьей я прошёл в очередной раз мыс Горн. Этим я как будто стремлюсь оправдать своё звание путешественника. Уже более сорока лет брожу по миру, но мало кто знает, что главное дело моё — это служение в смиренности, послушание Богу, и Господь не скрыл это. Он дал мне возможность в очередной раз пройти мыс Горн и не погибнуть. Там я был наедине с Богом.

Моя могилка — это начало пути для всех путешественников. Смерть заглянула в глаза, но душа моя осталась там, за кормой, у мыса Горн.

Рисунки Фёдора КОНОХОВА



когда не копаюсь по доброй воле в том, что мною написано.

Высказанные здесь мысли обыденны, они приходили мне в голову, может быть, много раз, и я боюсь, что уже останавливался на них. Моя память с годами потихоньку ухудшается. Быть может, Бог восстановит в прежнем виде то, что я расточил. Избавиться от этого я не могу иначе, как избавившись от себя самого.

Впрочем, может быть, я не прав. По сравнению с другими людьми меня задевают или, правильнее сказать, затрагивают только немногие вещи.

В этом плаваньи Южный океан терзает меня жестокими штормами, он мучает, карает меня, сечёт холодными ветрами, хочет повергнуть и погубить. Сотрясает меня видом близких айсбергов и повергает в смятение, обдирает кожу с ладоней при работе с замёрзшими парусами. Ужасает меня приближающимися ураганами у мыса Горн. Обременяет тяготами работы бесконечной. Убивает меня одиночеством. Он суров, жесток, строг и грозен со мной.

Однако я всё же дождался утренней зари, и это всё сделал Господь мой, Иисус Христос. Я пережил ночь, но боюсь, что снова стемнеет. Стоя на палубе у мачты, уставший телом и с истерзанной душой я молю Тебя: «Господи! Если хочешь,

ду бытием и небытием, между «я» и «не я». Ни одно плавание не было таким тяжёлым и опасным, как это. Мне кажется, я переступаю границу дозволенного. Господь, Владыка мой, услышь меня. Я самый жалкий из страждущих, ничтожнейший среди молящихся в храмах Твоих. Я не нашёл никого, кто сравнится бы со мной в греховности.

Я всё время повторяю слова псалма Давида: «Кто уподобится мне в злодеяниях, сравнится в беззакониях!». И я вновь подтверждаю, что слова эти вполне справедливы в отношении меня. Господь, Ты, про-